

Къ столѣтнему юбилею Н. В. Гоголя.

20-го марта текущаго года, когда исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія Гоголя, въ великой церкви Кіево-Братскаго монастыря была отслужена заупокойная литургія и панихида по покойномъ писателѣ, передъ которой проф. В. Н. Малининымъ было сказано слово о личности и творествѣ Гоголя. Кромѣ членовъ академической корпораціи и студентовъ Академіи, за панихидой присутствовали учащіеся въ начальныхъ городскихъ училищахъ, находящихся на Подолѣ. Ко времени открытія въ Москвѣ памятника Гоголю Кіевская Академія командировала туда, въ качествѣ своего представителя, проф. П. П. Кудрявцева, которымъ былъ врученъ Обществу Любителей Россійской Словесности, организовавшему гоголевскія торжества, адресъ слѣдующаго содержанія.

„Къ общему хору привѣтствій, несущихся къ памятнику Гоголя со всѣхъ концовъ нашей родной страны и даже изъ-за границы, присоединяетъ свой голосъ, въ сознаніи живой своей связи со всею Россіей, и Кіевская Духовная Академія. Свѣтлый праздникъ русскаго художественнаго слова не можетъ не быть праздникомъ для высшей богословской школы, умѣющей цѣнить здоровые плоды культурнаго творчества. Вмѣстѣ со всѣми цѣнителями великаго юмориста она преклоняется передъ поразительною рельефностью его образовъ, широтою заключающихся въ нихъ обобщеній, глубиною проникающей ихъ скорби; но, помимо того, она усматриваетъ въ творествѣ Гоголя такія черты,

которыя для богословской школы имѣютъ особенное значеніе. Съ необыкновенною силой вскрытъ проницательный художникъ всю глубину нравственнаго паденія челоуѣка, погруженнаго въ тину мелочей, ежедневно олутовающихъ нашу жизнь, и черезъ то поставилъ пытлиую богословскую мысль передъ глубочайшей и мучительнѣйшей изъ всѣхъ проблемъ, когда-либо волновавшихъ челоуѣчество,—передъ проблемой теодицеи; долго и напряженно работалъ онъ и надъ другой проблемой, вся жгучесть которой съ особенной силой была почувствована въ ближайшее къ намъ время: то проблема о возможности органическаго объединенія христіанства и культуры; отъ колыбели до могилы, безъ измѣненій и колебаній измѣралъ онъ челоуѣческую жизнь тѣмъ нравственнымъ идеаломъ, который безусловно обязательенъ и безконечно дорогъ для христіанскаго сознанія,—идеаломъ челоуѣка-христіанина; во всѣхъ обстоятельствахъ своей страдальческой жизни обращался онъ къ тѣмъ источникамъ вдохновенія и ободренія, которые вытекаютъ изъ нѣдръ Православной Церкви; настойчиво и убѣжденно намѣчалъ онъ тотъ путь, на которомъ разнообразныя стороны челоуѣческой жизни—политика, экономика, искусство, наука—должны найти свое объединеніе и примиреніе: то путь ихъ религіознаго синтеза. Можетъ быть, никто изъ русскихъ писателей, кромѣ Достоевскаго, не подходилъ такъ близко къ проблемамъ религіозной мысли, какъ Гоголь. Черезъ это онъ вдвойнѣ близокъ богословской школѣ: она не можетъ не встрѣчаться съ нимъ во многихъ пунктахъ своей работы.

Не только творчество Гоголя—близка ей, дорога ей и нравственная личность великаго меланхолика со всею глубиною ея скорби, съ неразгаданною тайной ея страданій. Что бы Гоголь ни изображалъ, надъ чѣмъ бы онъ ни думать, все это сильно волновало его мятущуюся душу. Всмотрѣлся ли онъ въ загадочное лицо необъятно широкой

Руси, оглядываясь ли на свою собственную личность — нравственные недостатки людей выросли въ его необыкновенно живомъ и яркомъ воображеніи до колоссальныхъ размѣровъ и кошмаромъ давили его страдальческую душу; онъ бѣжалъ отъ нихъ и не могъ убѣжать; онъ искалъ въ окружающей его жизни свѣтлыхъ тоновъ и красокъ для художественнаго ея воссозданія и не находилъ; онъ „озиралъ всю громадно-несущуюся жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“, и „строгимъ сумракомъ“ покрыто было лицо его... Кіевская Академія склоняется передъ серьезностью его нравственной личности и высотой его жизненнаго подвига.

Помимо сказаннаго, Кіевская Академія имѣетъ и свои особыя побужденія къ тому, чтобы принять самое живое участіе въ настоящемъ торжествѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, въ эпоху, къ которой переноситъ насъ объединившее всю Россію воспоминаніе, она была культурно-просвѣтительнымъ центромъ того края, гдѣ родился и выросъ великій писатель. Ея вліяніе не могло не сказаться на характерѣ духовной атмосферы, окружавшей и питавшей Гоголя въ годы его дѣтства, отрочества и юности. Въ настоящее время отчасти уже вскрыты пути, проводившіе это вліяніе. Отецъ Гоголя учился въ Полтавской семинаріи, дѣдъ — въ Кіевской Академіи; тамъ же учились его родственники по матери Трощинскій и Танскій, предполагаемый авторъ вирши юмористическаго характера, „говоренной запорожцами въ свѣтлый Воскресенія Христова праздникъ“ и дошедшей до насъ въ собственноручномъ спискѣ Н. В. Гоголя; малорусскія народныя думы, оказавшія несомнѣнное воздѣйствіе на творчество Гоголя, въ свою очередь носятъ несомнѣнные слѣды школьнаго вліянія. Все это даетъ Кіевской Академіи пріятное право считать Гоголя особенно близкимъ ей, роднымъ писателемъ. Оживляя въ своемъ воспоминаніи связи, роднящія съ нею гениальнаго юмориста, она сугубо раду-

ется славѣ, достойно вѣнчающей великаго сына Украины. Въ самомъ фактѣ появленія Гоголя на русской исторической сценѣ она видитъ залогъ примиренія съ жизнью: разъ у насъ, на Руси, былъ Гоголь,—значить, нельзя смотрѣть на землю, какъ страну безпросвѣтнаго мрака; а въ фактѣ прославленія Гоголя она усматриваетъ залогъ нашего дальнѣйшаго культурнаго роста: разъ страна умѣетъ цѣнить Гоголя и понимать глубину его скорби,—значить, въ ней не изсякла еще благодать ясной мысли и здороваго нравственнаго чувства. Въ тяжелую переходную эпоху русской жизни, столь доступную сомнѣнію и унынію, воспоминаніе о Гоголѣ будить вѣру въ Бога, вѣру въ человѣка, вѣру въ Россію.. Съ этой вѣрой Кіевская Академія склоняется передъ скорбнымъ образомъ великаго меланхолика. Она проситъ у Бога ему—вѣчнаго блаженства въ селеніяхъ праведныхъ, его странѣ—скорѣйшаго возрожденія къ обновленной, чуждой звѣрства и пошлости, проникнутой истинно-христіанскими идеалами, посвященноі осуществленію высшихъ культурныхъ цѣнностей, жизни здѣсь, на землѣ“.
